

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
Илья	6
Инга	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ЯЛТУ-1980	9
Инга, это же случай! Нечаянная удача!	10
«И пусть это будет Ялта!» — решил Илья	12
Это же тот самый бар из «Золотой мины»	14
Инга, мы в Ялте своего не упустим!	17
Инга, ты не любишь кофе?!	19
Откуда ты, крутой подводник?	21
За этим столом невест нет, мы обе замужем	26
А, вы корреспондент из «Комсомольской правды»?	27
Илья, тебя выселяют за драку с мужиком.	33
Ключевое слово «вместе»	36
Инга, наступает адмиральский час	39
Да, жена, но только не моя	43
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЕВЕРОДВИНСК — ЛЕНИНГРАД (1980–1989 ГГ.)	49
В конкуренции друзей нет	50
Его зовут Илья. А где он сейчас? Я не знаю	56
В «Колобке», в 16:00!	60
Личный состав требовал рассказов	64
В красном платье я ушла из старой жизни	70
Я беременна от Ильи	74
Нет, с крикоином!	78
У меня нет ничего общего с этой женщиной.	82
Илюша, здравствуй!	86
Фифа столичная, не задерживайся тут!	91
Товарищ капитан, какова причина смерти пациента?	95

Здравствуйте, Инга	98
Новелла «Остров»	102
Илья, будь с женщиной своей	106
Лоевский — это достояние северодвинских женщин	112
Плановое удаление фрагмента	116
Инга, вы такая смелая	122
На радостях мы «набухались»	128
Пусть наливают там, где ты напился	131
Моя толкательная железа	139
Сами саночки бегут, стелется позёмка	143
Ананасы для адмирала Беца	146
Наше закаливание	154
Или это ангелы спустились к нам с небес?	158

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЛЕНИНГРАД, ФИНЛЯНДИЯ

(1989—2003 ГГ.)	170
Теперь все вопросы будут решать депутаты. 1989 г.	171
Инга Станиславовна, всё не так страшно!	176
Лоевский, давай ещё	182
Ну, уж в Америку поезжайте	190
А ты знаешь, как живут хирурги в Америке?	199
Желаю говорить с тобой серьёзно	208
Кто у вас «крыша»?	215
Hello, i'm Linda Kurtz	220
Вас встречает Хамина, первый город свободного Запада	229
Ой, мама, а кому там легко?	237
Ну что, братан, какая наша маза? 1993—1994 гг.	242
Инга Станиславовна, я оставила полбутылки водки	252
Где деньги, Кеша? 1994—1995 гг.	260
Что-то долго думаешь, Инга	268
Вот за это вам придется ответить, Илья Семёнович	272

Куся, что ты вообще понимаешь?	282
Что такое IBN?	293
Куся говорит, что я создал балалайку. 1998—2001 гг.	304
Не сотвори себе кумира	313
А насколько внутренний тариф дешевле экспортного? 2001 г.	322
Когда же будет готова наша постоянная виза?	326
Становление нефтяного бизнеса. 2001—2003 гг.	330
Такой заветный баннер «SALE»	341
Пожар	345
Я потерял чувство опасности	352
Инга, иди сюда и прыгни вниз.	356
Нефтехимию выучу я	364
А этот камень с Соловков	374
Инга, отправляйся жить в Хельсинки.	384
Непростое пари	392
Заяц с бычьими яйцами	398
Это будет твоё казино!	404
ЭПИЛОГ.	412

ПРОЛОГ

ИЛЬЯ

Ночь проходила ужасно. Болела башка. Понятно, что выспаться невозможно. Утром ждёт похмелье. И уже скоро подъём флага. Надо будет выйти на продуваемый всеми ветрами плац для построения. И раствориться в этой массе чёрных шинелей и белых фуражек, как капля в море, ничем не отличимая от других.

И командир будет орать на всех сразу: «Вы, зелень подкильная, сгниёте на железе, и сход на берег будет вам запрещён до тех пор, пока не сдадите на допуск к самоуправлению». После таких излияний отеческой заботы командира так и хочется дать пенделя под задницу электрику моего отсека Евстратову, который не желает ничего делать и смотрит на меня такими же пустыми глазами, как я смотрю на своего старпома.

Ещё совсем недавно мир вокруг меня был похож на новую смазанную винтовку. И я, блестящий патрон, плотно сидящий в обойме таких же юных, готовых свернуть горы выпускников академии, окунулся в реальность и быт военно-морского флота. И вместо крепкой стальной обоймы я оказался на ржавой калоше плавучей казармы. Ну почему я вечный идиот в глазах командира? Я теперь всегда бесправный организм-неумёха.

Боже мой! Как далеко Ленинград с его широкими проспектами, стройными рядами домов, куполами церквей и шпилями крепостей и дворцов! Где этот мир, который был так близок и понятен, в котором мне было судьбой отведено достойное место?

Вот он, мир, в котором живу я: ржавые борта катеров, серая шаровая краска кораблей, чёрные утюги подводных лодок и нетающий снег на вершинах сопок вокруг бухты. Камчатские сопки красивы. Напоминают Альпы. Но, увы, далеко не Швейцария: труба пониже и дым пожиже.

Боже мой, где эти чистые красивые барышни, которые воспринимали моё философствование как откровение и распахивали глаза с восторгом и ожиданием необычной любви с блестящим офицером? Рутинка. После завтрака раздастся команда: «Лейтенантам и офицерам прибыть

в кают-компанию!» И меня будут долбать, не спрашивая моего мнения. В этом реальном мире, в котором я живу сейчас, оно никому не нужно.

ИНГА

Тревожный сон. Он часто мне снится. Он снова и снова возвращается ко мне. Я помню о нём всегда. Сон живёт у меня в мозгу. Поселился и уютно устроился. Наверное, радуется, такой маленький злобный тиран, тому, что мучит меня. Иногда картинки из сна даже днём внезапно начинают скакать перед глазами, как кадры в испорченной киноплёнке. И мне никак от этого не отвязаться.

Почему мои беременности обрываются? Почему я ношу дитя всего лишь два месяца, а потом всё: finita? И начинается: жалость к себе, осознание тупости своего существования.

Кстати, беременею легко. Радость сразу заполняет все клетки, а потом приходит он, этот жуткий сон. Вижу экран телевизора, а на нём серая рябь и шипение, сквозь которое слышится смех, противный такой, с повизгиванием. Лязг-лязг по нервам. Просыпаюсь и уже знаю, что утром уеду на скорой помощи с кровотечением. И настанет конец радости.

Мне двадцать пять. Но как всё хмуро вокруг, и никто не собирается для тебя расцветить серость красками — яркими, разноцветными, чтобы жмуриться от удовольствия, и чтобы на лице сияла глупая улыбка, и чтобы щёки лопались от восторга.

Меня тошнит от муторного брака, который мне не нужен. А кому тогда нужен? Ему, постылому? Ох, какое меткое слово: в старину умели точно обозначить того, кого не любят.

Муж видит моё брезгливое выражение лица, когда я наблюдаю, как он снуёт туда-сюда по комнате, раскладывает на полках непонятные пакетики, зачем-то долго шуршит бумагами в портфеле, потом надевает огромные наушники, и его взгляд стекленеет. Он погружается в мир той

музыки, которую я терпеть не могу: Nazareth, Aerosmith, Led Zeppelin, Uiah Нерр. И так изо дня в день. А ведь hard rock — это не моё, и времяпровождение в наушниках — это тоже не моё.

Я совсем не против рока, наш ленинградский рок мне очень даже по душе. Майк Науменко со своим «Зоопарком», а Гребенщиков, а Цой... Это я студенткой бегала на улице Рубинштейна.

Только сейчас до меня дошло: я не люблю зарубежный рок, потому что его любит он, мой нелепый муж.

Может быть, мой брак нужен моим родителям? Нет, они ничего не получают для души: видно, что радость не наполняет их сердца при взгляде на замороженную дочь. Они понимают, что мне не по кайфу. Но об этом они молчат. Они лгут о моём благополучии себе и всем своим друзьям. Умеют ли мои мама и папа любить меня?

Мы с мужем бежим на пристань. Едем на речном трамвайчике, чтобы посмотреть на развод мостов. Загадочность белых ночей сулит тайну. А тайна может подтолкнуть к внезапным решениям.

Мы идём по Фонтанке, выходим в Неву. Рядом бороздят невскую гладь множество других прогулочных посудин. Это же невероятно: в час ночи у стрелки Васильевского острова на реке пробка из прогулочных трамвайчиков. Переглядываемся, перемигиваемся с теми, кто на соседних посудинах. Ведь всё рядом, на расстоянии вытянутой руки. Да, капитанам наших судёнышек трудно. Везде звучит музыка. Танцы одновременно начинаются на всех палубах. Врезаешься в толпу танцующих и сливаешься с ней. В этот самый момент Нева, холодная повелительница человеческих душ, набрасывает на тебя мистические одеяния. Сейчас всё можно: орать, сходить с ума, слушать желания тела. Сейчас работает только подсознание, и оно влечёт туда, где ощутишь счастье.

Трудно справиться с бешеной энергетикой белых ночей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ЯЛТУ-1980

ИНГА, ЭТО ЖЕ СЛУЧАЙ! НЕЧАЯННАЯ УДАЧА!

Лето казалось бесконечным. Странно, что обычно короткое ленинградское лето растянулось, как резинка, через которую прыгают девочки. И я совершаю неуклюжие ленивые прыжки из одного дня в другой.

Дни как будто бы заняты. Но на работе слишком тихо. Некуда применить мои способности освобождённого секретаря комсомольской организации. Звучит так, как будто бы запорхали в воздухе словечки типа «ярость», «нетерпимость», «оголтелость». Нет, на самом деле я друг и защитник моих подопечных, учащихся ПТУ, и ещё организатор их незатейливого досуга.

Никаких собраний, где пробирают за ничтожные проступки. Моим учащимся хорошо со мной, а мне с ними. Они моя гордость. Едешь по городу и видишь плоды их ученического труда. Вот там клумбы с узором из тюльпанов и нарциссов, а там — яркие, пышные кустарники. Это они создали такую красоту на своих многочисленных практиках, а сами всего этого не видят — разъехались по своим далёким уголкам. В летние месяцы коридоры училища пусты, шаги отдаются гулко, в кабинете неуютно, холодом тянет от непрогретых стен.

А домой ведь не хочется. Там пасмурно и некому развеять эту хмурицу. Не получилось у нас с мужем быть солнцем друг для друга.

Развлекаюсь телевизором. С утра до вечера идут передачи про нашу Олимпиаду. Увы, не все большие мастера прибыли в Москву. Политика. Мало кому в мире нравится наше вторжение в Афганистан. И поэтому объявлен бойкот московской Олимпиаде.

А на экране упоение. Радость достижений, победы. Этим спортивным праздником мы все наслаждаемся и обсуждаем необыкновенное для нас, советских зрителей, грандиозное представление открытия Олимпиады.

И вот уже улетает «наш ласковый Мишка», талисман этой Олимпиады, на связке воздушных шаров ввысь и там, в голубой бездне, про-

падает. У тех, кто на стадионе, захватывает дух от неотвратимости конца любой сказки. Слёзы льются рекой по обе стороны экрана. Завершилось такое мощное событие этого лета.

Душа просит продолжения праздника, и моя подруга Марина утаскивает меня в Ялту.

—Представь, мой дядя говорит, мол, дорогая племяшка, могу послать тебя в лучшую гостиницу города Ялты, в гостиницу «Ялта». Короче, сплошная «Ялта». А это Интурист. До тебя доходит?

—А с чего вдруг? В этот самый Интурист разве можно нам, простым смертным?

—Мой дядя говорит, что можно. Потому что там, в интуристовских гостиницах, всё было подготовлено для приёма иностранных делегаций, а их-то и нет. Выступили на Олимпиаде и сбежали. Ты ведь знаешь о бойкоте. Кто-то вовсе не приехал, а кто-то после соревнований сразу отчалил восвояси. Никаких поездок по нашей стране.

—Ой, хочу поехать в Ялту-«Ялту» вместо иностранной делегации. Насладиться Крымом. И солнцем, и морем. И лучшей гостиницей.

—Едем! Нет, летим на самолёте, чтобы скорее, чтобы сразу туда, в самую середину интуристовского комфорта. А твой муженёк не будет против?

—Не посмеет. Что, он не понимает, что значит летом гостиница для интуристов в Крыму, в Ялте? Это же случай, нечаянная удача.

—И билеты на самолёт будут, для дяди это не проблема.

—Спасибо твоему дяде!

«И ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ЯЛТА!» — РЕШИЛ ИЛЬЯ

Два года без отпуска, только хирургия в больнице скорой помощи и бесконечная учёба на факультете подготовки руководящего состава медицинской службы в Военно-медицинской академии. Два года как я распрощался с Камчаткой.

И всего месяц отпуска — совсем недолгая свобода. И снова позовёт служба, — я еду в метро и про себя повторяю одни и те же слова. Этот текст крутится в голове, как заезженная пластинка.

Вокруг всё жужжит Олимпиадой. Из каждого открытого окошка слышны спортивные репортажи. Забавно, захватывающе. Многие страны из-за войны в Афгане отказались участвовать. Но тем не менее московская Олимпиада удалась.

Мне захотелось ласкового, тёплого моря, Чёрного, например. Ещё подумал о крымском вине, и воспоминание об отпуске с друзьями после второго курса теплом разлилось по сердцу. Тогда был Гурзуф с небольшими разноцветными домиками, садами, полными абрикосов, слив, черешни. Ресторанчики и бочки с вином на набережной, комната с балконом, арендованная на пятерых.

У всех ангина и лечение тёплым вином «Агдам». Его закапывали в песок, оно нагревалось, и этим пойлом полоскали горло, но мы, больные, ничего не выплёвывали, а глотали эту невообразимую жидкость. Такие полоскания не меньше восьми раз в сутки ангину излечивали за два дня.

А сушёная рыбка от гурзуфских моряков была слаще любого южного фрукта. В 1968 году всё было в дефиците, пиво можно было купить только в баре для комсомольских работников в международном лагере «Спутник».

Вспоминаю, как однажды, накупив связки вяленой рыбки и повесив их себе на шею, мы отправились днём в «Спутник». Мы были молоды, можно сказать, юны, и с юмором у нас было всё в порядке, поэтому пользовались успехом у девушек-официанточек, а особенно у барменши того

бара, шикарной брюнетки с ярко-красными губами и высокой грудью, на которой взгляд всегда задерживается. Мы старались как могли, делали ей комплименты, развлекали и даже намекали о будущих отношениях.

Мы попросили её оставить столик на вечер, и она пообещала. Это была огромная привилегия. Узнав, что в баре остался один ящик «Жигулёвского», а это двадцать бутылок, каждая из них стоила двадцать восемь копеек, мы сразу заплатили и сказали, что возьмём свой ящик вечером. Из напитков в баре были только розовый ликёр и коньяк «Три звёздочки», понятно, безумно дорогие, и для нашего кармана и то, и другое было недоступно.

И вот вечером вся местная элита — работники торговли, артисты, цеховики, из которых потом выросли кооператоры, каталы и доступные девушки — за соседними столиками потягивала коньячок, а своих спутниц угощала ликёром.

Вечер был жаркий. Мы сидим, попиваем холодное пиво с сушёной рыбкой. Глядя на нас, остальные посетители тоже захотели холодненького пивка. Однако в баре им отвечали, что всё пиво уже выкуплено ребятами.

Какой мужчина не захочет иметь то, что ему недоступно? На просьбу продать бутылку пива мы предложили не продажу, а обмен. Сначала мы обменяли три бутылки пива на бутылку коньяка. Следующая бутылка коньяка была обменяна на две бутылки пива, следующая уже пошла один к одному. Через час за бутылку пива нам давали уже три бутылки коньяка.

Уже потом мы всех стали угощать коньяком. Это пиво-коньячное пиришество сопровождалось хоровым пением и общими танцами. К концу вечера все так набрались, что чувствовали себя братьями навеки.

Воспоминание отчётливо выявило моё желание немедленно рвануть в Крым. И пусть это будет Ялта!

ЭТО ЖЕ ТОТ САМЫЙ БАР ИЗ «ЗОЛОТОЙ МИНЫ»

Серёга Хвостов, давний приятель из медслужбы камчатской флотилии, получил назначение в Ялту начальником дома отдыха Черноморского флота. Когда Серёга устраивал нам отвальную, его переполняла гордость, переходящая в напыщенность. Он время от времени закидывал голову назад, замирал, думая о своём высоком, потом как бы невзначай возвращался к нам и начинал размахивать руками от переизбытка эмоций. Он старался нам не показывать, как далеки мы теперь от него, удачливого. Он-то на бережку, а мы по-прежнему — «рожа в масле, хрен в тавоте, но зато в подводном флоте».

Мы понимали, что без волосатой руки здесь не обошлось, и, несмотря ни на что, радовались за него. Ведь кому-то должно по жизни везти. Ещё он, изрядно поднабравшись, проговорился, что Валентина, его жена, уже там и работает в ятинском управлении гостиничного хозяйства. Это совсем было запредельно. Да, родственные связи нашего Сергея были всемогущи.

Улетая с Камчатки, он не оставил свои телефоны. Как бы «не надо, не ищите»...

Тем не менее я здорово рассчитывал на Серёгу, когда летел в жаркую Ялту, где маячили не менее жаркие встречи.

Из неподвиженного первое: я не нашёл ни Серёги, ни Вали. Они улетели к родителям на юбилей. Второе, уже приятное: я смог уболтать Ирину (Ирочку, Валину коллегу), чтобы она меня поселила в любую гостиницу Ялты на её усмотрение. Так как я долго и красочно рассказывал про нашу камчатскую жизнь, хлебосольную семью Хвостовых и про Валин салат с крабом, морской капустой, красным перчиком и лучком, то Ирочка, наверное, так живо представила это роскошное блюдо, что у неё слюнки потекли, и она растаяла.

Ирочка устроила меня в недоступную простым курортникам гостиницу «Массандра» — чудесное двухэтажное деревянное строение

с колоссальными террасами, в парке «Массандра». Главное преимущество этой гостиницы было в том, что по её карточке пускали на пляж гостиницы «Ялта», которая, по счастливой случайности, соседствовала с «Массандрой».

Но я не поспешил этим воспользоваться: меня влекло туда, где мы когда-то героями-любовниками шлялись по узким кривым улочкам, наслаждались юностью и беззаветно верили в свою счастливую судьбу.

Я сел в троллейбус и отправился в Гурзуф. Никакого такси или попутки: именно вот так, медленно двигаясь по шоссе, покачиваясь влево-вправо вместе с остальными пассажирами, я плавно въезжал в свои воспоминания.

Но, увы, не сложилось, не удалось мне насладиться памятными моментами из жизни желторотого слушателя академии. Ко мне подсела девушка, ну совершенно в моём размере: выше меня на полголовы и с большой грудью. Её груди было тесно в облегающей футболке, она требовала освобождения из плена, и мне сразу захотелось стать её освободителем. И я немедленно стал знакомиться с хозяйкой этой привлекательной груди.

Ну конечно, девушка привезла такую грудь из Киева! Я бойко заболтал на украинском, вспомнив свои детские годы в Николаеве. Девушка оказалась аж вторым секретарём районного комитета комсомола, и сейчас она пребывала в командировке в Артеке.

— Мабуть я присяду до вас, будь ласка.

Я был счастлив, что около меня было свободное место.

— Сідайте, як шо ви маєте хвилинку.

Я сразу ей широко заулыбался.

— Мені дуже приємно познайомитися з вами.

У девушки был милый украинский говор.

— Яка гарна дівчина, мабуть підемо до пляжу спільно?

Я сразу показал, что готов к знакомству.

— Не жартуйте зі мною так.

Она слегка смутилась.